

“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”:
АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО

(статья опубликована в изд.: **Одиссей. М., 2008. С. 251-274**)

Послание к Лоренцо Медичи за март 1486 г., которое не попало в тщательно собираемую Фичино подборку его “Эпистол”, начинается словами: “По нашему обыкновению мы часто изучаем по звездам, что нам ждать от других людей; однако что ждать от тебя, великодушный Лоренцо, в течение уже многих лет я почтительно наблюдаю не по небу, а по тебе самому. Ибо знаю, что мудрый человек неподвластен звездам”¹. В этом письме флорентийский гуманист признается, что занимается астрологией с целью предугадать грядущие события, и одновременно утверждает, что звезды не властны над мудрецом. Налицо противоречие или, по крайней мере, непоследовательность мысли Фичино и не случайно некоторые исследователи отмечали колебания его позиции от неприятия и осуждения астрологии до обращения к ней, пусть и с оговорками, и использования ее в практических целях². И, действительно, с одной стороны, у Фичино,

¹ “Sepe que nobis ab aliis eventura sint in astris explorare solemus. Que vero mihi ex te magnanime Laurenti futura sint, non in celo quidem, sed in te ipso multis iam annis diligenter observo. Novi enim sapientem sideribus non esse subiectum” (*Ficinus M. Epistola ad Laurentium Medicem // SF. Vol. I. P. 57*).

² См.: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin, 1927 (S. 145-170). S 149-155; Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972 (1 изд. – Нью Йорк, 1943). P. 293-295; Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G.*

доказывавшего богоподобие человека, его свободу и суверенность в качестве самовластного творца собственного “я” и окружающей действительности, не могло не вызвать неприятия учение о непреложном законе звезд, коим определяются судьбы людей и всего, что происходит в мире. С другой стороны, отстаивая единство мироздания как живого, целостного организма, во всех своих частях населенного духами, Фичино должен был признавать постоянно происходящее взаимодействие этих частей³, а, значит, и влияния,

Disputationes adversus Astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I (P. 3-17). P. 11; Idem. Lo zodiaco della vita. La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento. Bari, 1976. P. 70; Walker D. P. Ficino and astrology // MFRP (P. 341-349). P. 341-342; Kaske C.V. Ficino's shifting attitude towards astrology in the “De vita coelitus comparanda”, the letter to Poliziano, and the “Apologia” to the cardinals // MFRP. P. 371-381; Kaske C.V., Clark J.R. Introduction // Ficino M. Three books on life. Ed. by C.V. Kaske, J.R. Clark. New York, 1989 (P. 3-90). P. 59.

³ Приведем несколько фрагментов из сочинений Фичино, в которых говорится о живом единстве мира: “Cum mundus sit unum animal, omnia corporea duobus modis sunt partes mundi: primo, quia singula corpora sunt, quaedam universi corporis portiones: secundo, quia in quolibet corpore est et ipsa mundi anima, et propria quaedam huius animae virtus efficacia dos huic corpori distributa. Quatenus ergo corporea singula sunt animalis mundani membra, facile tum a toto, tum invicem patiuntur: quippe cum etiam quae loco inter se distare videntur, sint propinqua, ob mirabilem naturae unius communionem” (*Ficinus M. Commentaria in Plotinum. IV. 4. 32 // Op. om. P. 1745*); “Et quod maximum est, mundus animal in se magis unum est, quam quodvis aliud animal, si modo est animal perfectissimum” (*Idem. De vita. III. 2 // Op. om. P. 533*); “... testantur sapientes Indi,

идушие как от небесных тел на землю и на человека, так и в обратном направлении; и во всяком случае, исходя из убеждения в теснейшей взаимосвязи всего сущего, он имел основания в явлениях одной части вселенной, скажем, неба, видеть признаки, или знамения, того, что с необходимостью должно случиться в другой его части - на земле.

Интересом Фичино к астрологической науке отмечены его первые шаги по освоению древней языческой мудрости. Около 1484-1485 гг. Иоанн Панноний, венгерский корреспондент и критик философского дела своего флорентийского друга, вспоминал, как, приехав во Флоренцию для освоения латинской и греческой словесности, судя по некоторым косвенным данным, в середине 60-х гг., он слышал от двух тамошних астрологов что Фичино, сообразуясь с неким положением небесных светил, собирался возродить учения древних философов. “Что это было за положение светил, - писал далее Иоанн Панноний, - даже если я и слышал, помню недостаточно хорошо, но думаю, что ты знаешь постольку, поскольку ты его открыл. Для подкрепления своих утверждений ссылались эти астрологи на то, что ты в определенные

dicentes mundum esse animal passim masculum simul atque foeminam, mutuoque membrorum suorum amore ubique coire secum, atque ita constare, vinculum vero membrorum inesse per insitam sibi mentem, quae totam infusa per artus agitat molem, et magno se corpore miscet” (Ibid. III. 26. 570); “*Iam vero si homunciones isti vitam minimis concedunt mundi particulis, quae tandem dementia est, quae invidia, nec nosse, nec velle totum vivere, in quo vivimus, et movemur, et sumus?”* (*Idem. Apologia, in qua de medicina, astrologia, vita mundi... agitur* // *Op. om. P. 573*). Ср. у Платона о космосе как “живом существе” (Тимей. 30b // Соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 471). См. в этой связи также: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Saturn and melancholy. Studies in the history of natural philosophy, religion and art. London, 1964. P. 263-264.*

судьбой сроки возвратил свету древние звуки и мелодии лиры и Орфические гимны, прежде преданные забвению. Затем ты перевел стародавнего Меркурия [Гермеса] Трисмегиста и много Пифагорейских писаний; а также изъяснил стихи Зороастра и, прежде чем я приехал во Флоренцию, приступил к переводу Платона, руководствуясь, как я подозреваю, все теми же астрономическими знаменами»⁴.

Последние слова были спровоцированы, скорее всего, тем местом из посвятительного письма к Лоренцо Медичи в публикации всего корпуса сочинений Платона (1484 г.), попавшей в руки Паннония, в котором флорентийский гуманист заявляет, что к переводу античного философа приступил, побуждаемый “не моими, но деда твоего [дедом

⁴ “Praeterea memini, cum olim in Italia profectus Latinis literis et Graecis erudirer Florentiae, me a duobus vestrum astrologis audivisse, te ex quadam siderum positione antiquas renovaturum philosophorum sententias. Quamquidem positionem siderum etsi audiverim, non satis recolo, sed te arbitror meminisse, immo et per te invenisse. Adduxerunt item illi astrologi ad suum iudicium confirmandum, quod fatali quodam tempore antiquum cytharae sonum et cantum et carmina Orphica oblivioni prius tradita luci restituisses. Mox et Mercurium trismegistum antiquissimum traduxisti et Pythagorica multa; item carmina Zoroastris explanavisti et antequam Florentia huc redirem transferendo Platonis manum inieceras, iisdem (ut equidem suspicor) astronomicis auspiciis” (*Ioannes Pannonius* Marsilio Ficino. *Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia* // *Ep. lib. VIII. P. 871. 2*; *Abel E.* *Analecta nova ad historiarum Renascentium in Hungaria litterarum spectantia.* Budapestini, 1903. P. 278). См. в этой связи: *Черняк И.Х.* *Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV века* // *Актуальные проблемы изучения истории религии.* Л., 1976 (С. 86-100). С. 91-92.

Лоренцо был Козимо Старый – Авт.] благоприятными знаменами”⁵. Речь могла идти о каких-то небесных явлениях, в коих усматривали знаки – дурные или добрые – имеющего совершиться на земле. И, по наблюдению С. Джентиле, свой первый труд, посвященный Платону, – “Наставления в платонической науке” (1456 г.) – Фичино соотносил с появлением кометы точно так же, как и Козимо Старый, подвигнутый прохождением над Флоренцией другой кометы с 4 по 31 октября 1433 г., то есть в то время, когда родился Марсилиус (19 октября 1433 г.), избрал именно его, отмеченного небесным знаменем⁶, для возрождения древнеязыческой богословской традиции; и воссоздание Академии, которую замыслил Козимо, вдохновленный на это проповедью платоновского учения Георгием Гемистом Плифоном на Флорентийском соборе (1439 г.), он осуществил, по признанию Фичино, “как только пришло подходящее время” (*opportuno primum*

⁵ “Ego autem etsi a tenera aetate nominis Platonis cultor, rem tamen adeo gravem, non meis quidem, sed avi tui Cosmi prosperis auspiciis sum aggressus...” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1128*).

⁶ Эту комету наблюдал Паоло дель Поцо Тосканелли, с коим, как и с другими астрологами, Козимо, приверженный их науке, часто общался. См. свидетельство Веспасиано да Бистиччи: “Se erano astrolagi, egli [Cosimo] n’aveva uno universale giudizio, per avere sempre praticato con maestro Pagolo [Toscanelli] e con altri astrolagi; in qualche cosa vi dava fede, e usavala in alcuna sua cosa” (*Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Cosimo de’ Medici. XVIII. Ed. da L. Frati. Bologna. 1892-1893. Vol. 1-3. Vol. 3. P. 57*).

tempore)⁷, - “подходящее”, надо полагать, с точки зрения астрологической науки⁸.

Ответ своему критически настроенному в отношении астрологии венгерскому корреспонденту Фичино использовал для того, чтобы, опираясь на ее данные, подчеркнуть провиденциальную роль своего ученого служения, удостоверенного будто бы звездами: “Постольку, поскольку ты, стремясь приписать року причину этого нашего труда [переводов Платона – Авт.], коснулся нашего рассуждения, то я не отрицаю, что в этой самой фигуре Сатурн, восходящий в знак Водолея, а также Солнце и Меркурий, [восходящие] в девятую область неба, и положение других планет по отношению к этой девятой области знаменуют [появление] человека-обновителя древности, но отрицаю будто бы его производят”⁹. “Девятая область неба” считалась “домом” религии и философии¹⁰ и, указывая на ее определяющую роль в гороскопе, относящемся ко времени его рождения, Фичино ссылался на небеса как на очевидное и неоспоримое свидетельство его

⁷ *Ficinus M.* In Plotinum Ad magnanimum Laurentium Medicem patriae servatorem Prooemium // Op. om. P. 1537.

⁸ См. подробнее: *Gentile S.* Introduzione // *Ficino M.* Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P. (XIII-CCXCIX). P. XXXVI-XL.

⁹ “Quod vero tu nostri huius operas causam in fatum referre volens de nostra genesi attigisti, non inficior equidem in hac ipsa figura Saturnum in Aquario ascendentem et Solem Mercurium que in nona coeli plaga aspectumque reliquorum Planetarum ad ipsam nonam significare hominem rerum antiquarum innovatorem, sed efficere nego” (*Ficinus M.* Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. Lib. VIII. P. 872. 1; *Abel E.* Op. cit. P. 280).

¹⁰ См. об этом: *Gentile S.* Op. cit. P. XXXVI-XXXVII.

призвания свыше возродить традицию древнейшей мудрости¹¹, но видел в них лишь *знаки* (signa), сообщающие людям божественную волю. «Если бы ты внимательно прочитал нашу эпистолау “О звезде волхвов” и сходное с ней рассуждение в нашем “[Платоновском] богословии”, а также книги Плотина, трактующие этот предмет, которые мы перевели, - продолжал Фичино в своем ответе Паннонию, - ты бы, конечно же, уразумел, что обязанности служения общественному благу, имеющие отношение к душам, зависят главным образом, как бы от общих и первых причин, от высших умов-служителей всемогущего Бога, а также некоторым образом происходят, словно от причин частных и последних, от усмотрения людей... Знаменуются же они фигурами и перемещениями небес, выступающими орудиями божественных умов»¹². Не отрицая пользы астрологической науки, более того, сообразуясь в своих действиях с ее данными, Фичино, как видно, не был склонен абсолютизировать влияние небес и звезд и отводил им прежде всего роль вестника или проводника высшего, или Божественного, закона. Этой теме он посвятил специальное сочинение, в составе его “Эпистол” помещенное под названием “Божественный закон не может звездами производиться, но, пожалуй, знаменоваться”¹³, и в том или ином контексте возвращался к ней в других своих работах¹⁴. Фичино, несомненно, опирался на Плотина, который, с одной стороны,

¹¹ См. на эту тему: Гл. I. С. 000.

¹² *Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. Lib. VIII. P. 872. 1.*

¹³ *Ficinis M. Divina lex fieri a coelo non potest sed forte significari // Ep. lib. VII. P. 849-853.*

¹⁴ *Idem. De religione Christiana. IX // Op. om. P. 12; Idem. Theologia platonica de immortalitate animorum. IX. 4 // Op. om. P. 209-210.*

отказывался признавать решающее влияние звезд и планет в их всевозможных сочетаниях на жизнь и судьбу человека, с другой, - рассматривал эти сочетания как знаки, своего рода начертанные на небе письма, предупреждающие о том, что происходит или должно произойти, в коих, однако, не следует искать причины того, что случается в подлунном мире¹⁵. И подобный подход к астрологии, унаследованный Фичино, допускал, пусть и с существенными оговорками, обращение к ней. Но до определенного предела. Ибо Фичино ни в коей мере не склонен был жертвовать ей свободой человеческой воли и Божественным провидением и признавать тем самым абсолютность “звездозакония”.

В 1477 г. он работал над трактатом, так, впрочем, и оставшимся незавершенным, “Рассуждение против прорицаний астрологов”. Сочинение это представляет собой, по справедливому наблюдению Э. Гарэна, “собрание заметок и выписок”, фрагментов текста, идентичных по содержанию “Платоновскому богословию”, высказываний об астрологии святых отцов, античных, средневековых европейских и арабских мыслителей, причем многие обвинения, выдвинутые в нем против астрологов, аналогичны тем, с которыми выступали защитники этой науки, вроде Роджера Бэкона, обличая шарлатанов, паразитирующих на ней¹⁶. Главная мысль труда, к которой гуманист возвращается постоянно, состоит в том, что ум и душа человека, неподвластны влиянию звезд, более того – сами его

¹⁵ *Plotin. Enneades. II. III. 1, 7, 8; IV. IV. 42-43* (Ed. par E. Bréhier. T. 1-6, Paris, 1924-1931. См.: Т. 2 (1924). P. 28-29, 33-35; Т. 4 (1927). P. 149-151). См. в этой связи: *Блонский П.П.* Философия Плотина. М., 1918. С. 111-113; *Лосев А.Ф.* ИАЭ. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 662-663; *Kristeller P.O.* Op. cit. S. 295; *Черняк И.Х.* Указ. соч. С. 97.

¹⁶ *Garin E.* Introduzione. P. 11.

используют¹⁷. “Небо прямо воздействует на тело, опосредствованно – на чувство, связанное с телом, и никоим образом – на интеллект. Однако интеллект и воля могут потворствовать дурному чувству. И пусть не говорят, что подобно тому, как тело наше подвластно небесному телу, так же и ум наш подвластен небу, ибо тело наше [происходит] от того, небесного тела, ум же – не от какого-либо тела и не от движущего небом ума, но от Бога”¹⁸. Не отрицая вовсе возможности влияния небес на человека через материально-телесную составляющую его природы, Фичино настаивает на свободе человеческого духа, не определяемого ничем внешним по отношению к нему, движения которого, поэтому, не могут быть предсказаны никакими выкладками астрологов.

По мере создания трактата эти его основные положения гуманист популяризировал в письмах к друзьям, что убедительно свидетельствует против не так давно выдвинутого Д.П. Уолкером предположения, будто антиастрологическое сочинение на самом деле писалось Фичино в 1493-1494 гг. с целью создать нечто сопоставимое

¹⁷ “Ergo sidera non agunt in intellectus. Igitur anima dominatur astris, idest inclinationi que ab astris innascitur corpori” (*Ficinus M. Disputatio contra iudicium astrologorum // SF. Vol. II (P. 11-76). P. 29.* В примечаниях к трактату указаны сходные с его текстом места в “Платоновском богословии”, а также в “Комментариях к Плотину”, для них Фичино, как видно, заимствовал материал из более раннего своего сочинения.

¹⁸ Ibid. P. 74. См. в этой связи: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola. S. 156 и далее; Kristeller P.O. Op. cit. S. 293-294; Bullard M.M. The inward Zodiac: a development in Ficino’s thought on astrology // RQ. 1990. Vol. XLIII (P. 687-708). P. 688; Vasoli C. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino. Lecce, 1999. P. 286-287.*

с трудом Пико соответствующего содержания, удовлетворяющее позиции Савонаролы, осуждавшего, как известно, астрологическую науку¹⁹. В послании за июнь 1479 г. к венецианцу Бернардо Бембо Фичино признавался: “Я сочиняю книгу о Божьем провидении и свободе человеческой воли, в коей по мере моих возможностей отвергаю суждения астрологов, умаляющие провидение и свободу. Ведь сколь тщательно проводят правильные расчеты астрономы, столь много лжи измышляют по поводу дел человеческих суетные астрологи”²⁰. И сходным образом в письме того же времени к Франческо Марескалько: “Сочиняю книгу о провидении Божьем и свободе человеческой воли, в которой выступаю против звездозакония и прорицаний астрологов”²¹. Последним в этом ряду является послание к графу Франческо Ипполито Гаццольдо, содержащее предисловие к самому антиастрологическому трактату: перечислив опасные заблуждения, спровоцированные верой в то, что “конкретные события с необходимостью производятся звездами” (*singula necessario fieri a stellis*), а это – отрицание Божественного провидения, обвинение ангелов, движущих небесными сферами, в преступлениях и

¹⁹ *Walker D. P. Ficino and astrology. P. 343.*

²⁰ “... compono librum de providentia Dei atque humani arbitrii libertate, in quo illa Astrologorum iudicia, quae providentiae libertatique detrahunt, pro ingenii facultate redarguo. Nempe quam diligenter coelestia vere metiuntur Astronomi, tam multum circa humana inanes Astrologi mentiuntur” (*Ficinus M. Quantum Astronomi metiuntur, tantum Astrologi mentiuntur // Ep. lib. IV. P. 771. 10*).

²¹ “Compono librum de providentia Dei et humani arbitrii libertate, in quo agitur contra astrorum necessitatem fatumque Astrologorum (*Idem. Cum primum fatum impugnare nitimur, expugnamus // Ep. lib. IV. P. 776. 3*). См. также: *Bullard M.M. Op. cit. P. 689.*

несчастиях людей, отказ человеку, приравненному к скотам, в свободе воли и покое, - Фичино выдвигает следующий довод, лишаящий смысла все труды звездочетов: “Наконец, если нельзя избежать того, что предопределено роком, то бесполезно предвидеть и предсказывать это; если каким-либо образом этого можно избежать, то астрологи ложно отстаивают неизбежность рока”²². А далее он призывает ополчиться на “нечестивых гигантов”, которые, претендуя на “знание будущего, дерзают уравнивать себя с бесконечным Богом”²³.

Словом, Фичино отвергал такую астрологию, которая давала основания ее служителям покушаться на всеведение, не оставляя места ни свободе человека, ни всемогуществу Бога, с чем Фичино, убежденный в своем призвании оборонить христианскую веру от любых угроз ей, категорически согласиться не мог. Но, признавая живое единство вселенной, он не мог не признавать и наличие каких-то связей между миром небесным и земным. Кроме того, что звезды и планеты играли роль знаков, или вестников Божественного провидения, они также в качестве объектов более высокого порядка должны были с необходимостью воздействовать на то, что расположено ниже их, на всякую земную тварь, включая людей, – на их телесное естество и тесно связанные с ним части души. А это означает, что астральные влияния ни в коей мере не упраздняют свободную волю человека, сосуществуя с ней. В девятой книге

²² “Denique si fata vitari non possunt, frustra praevidentur et praedicuntur, si possunt aliqua ratione vitari, false ab Astrologis necessitas fati defenditur” (*Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum [Proemium] // Ep. lib. IV. P. 781. 2*).

²³ Ibid. См. в этой связи: *Thorndike L. A history of magic and experimental science. New York, 1934. Vol. IV. P. 569; Walker D.P. Ficino and astrology. P. 345-346.*

“Платоновского богословия” Фичино сформулировал эту идею следующим образом: “Небеса не движут нашей волей с помощью некоего природного побуждения, но они движут нашими телами”²⁴.

Более всего положения небес и светил воздействуют на стихии, то есть на процессы в материальных сферах жизни, а также могут провоцировать социальные, хозяйственные и прочие потрясения. Моровое поветрие, поразившее Италию в 1478-1479 гг., Фичино в специальном трактате “Советы, как противостоять чуме” (создан в 1479 г., 1 изд. – 1481 г.) объяснял неблагоприятным сочетанием небесных тел, призывая опасаться конъюнкций Луны с Солнцем, Сатурном или Марсом, или ее противостоянием Солнцу, или когда она образует фигуру квадрата с этими планетами, причем “чумная зараза сильно распространяется при восходе и заходе Солнца”²⁵. В написанном почти одновременно (декабрь 1478 г.) послании к папе

²⁴ “Quamobrem coeli voluntatem nostram instinctu naturae non movent, movent tamen corpus” (*Idem. Theologia platonica de immortalitate animorum. IX. 4. P. 209*). Место это дословно воспроизведено в антиастрологическом трактате: *Idem. Disputatio contra iudicium astrologorum. P. 25*. См. также: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 294-295; Kaske C.V., Clark J.R. Introduction. P. 59; Bullard M.M. Op. cit. P. 688; Vasoli C. Quasi sit deus. P. 80-81*.

²⁵ “Voglio ti guardi bene quando la Luna si congiunge col sole et anco quando s’opponne, cioè quando è piena. Item quando si congiunge con Saturno, et più quando si congiunge con Marte. Item quando fa quadratura con detti pianeti. Et sappi chel veleno pestilente si muove forte nellevar del Sole et nel porre.” (*Ficino M. Consiglio contro la pestilenza. VI. Firenze, 1532. P. 16r-v*). В латинском переводе Иеронима Риччо с названием “*Epidemiarum antidotes*” (1516 г.) трактат опубликован в: *Op. om. P. 576-606 (См.: P. 586)*.

Сиксту IV он связывал чудеса, которые произвели незадолго перед тем вновь обретенные мощи Св. Петра в г. Вольтерра, с состоявшейся конъюнкцией Марса и Сатурна в созвездии Девы и другими небесными знаменами, что предвещало двухлетние бедствия, войну, чуму, голод, а также явление лжепророка²⁶. В сентябре 1480 г. Фичино предупреждал Лоренцо Медичи об опасной для него констелляции²⁷, а после смерти своего покровителя в 1492 г. в предисловии к “Комментариям на Плотина” гуманист уверял Пьеро Медичи, что кончина его отца была отмечена особыми небесными знаменами²⁸. Другим своим знакомым он также направлял гороскопы²⁹. В августе 1489 г. в составе коллегии экспертов Фичино определял наиболее подходящее время для закладки флорентийского дворца Филиппо Строцци³⁰. Как видим, и сам гуманист действовал с оглядкой на данные астрологии, и информировал о них близких ему людей. И это было характерной чертой времени, ибо не только частные лица, но также государственная власть, например, флорентийская Синьория или должностные лица в папском Риме, консультировалась с

²⁶ *Ficinus M. Spiritus ubi vult spirat* // Ep. lib. VI. P. 813-815.

²⁷ *Idem. Pius dominabitur astris* // Ep. lib. VI. P. 831. 2.

²⁸ *Idem. Magnanimo Petro Medici* // Op. om. P. 1538.

²⁹ *Idem. Responsum de genesi quod iudicium sit fallacissimum* // Ep. lib. VII. P. 857. 2; *Idem. Positio aspectusque planetarum ingenio conferentium* // Ep. lib. VIII. P. 894. 3; *Idem. Fata viam invenient, aderitque vocatus Apollo* // Ep. lib. X. P. 918. 2.

³⁰ “Ebbi tal punto (i. e. diem XVI. Augusti 1489 quo domus Stroctiana aedificari coepta est) dal soprano nominato Benedetto Biliotti e Maestro Niccolò e Maestro Antonio Benivieni medici, el vescovo de’ Pagagnotti e M. Marsilio, tutti lo approvorono per buono” (*Strozzi L. Vita di Filippo Strozzi. Ed. V. Bigazzi. 1851. P. 70. Цит. по: SF. Vol. II. P. 307*).

астрологами о наиболее подходящем времени для начала каких-то важных предприятий³¹.

Итак, Фичино не только признает, но даже настаивает на том, что человек подвержен астральным влияниям, хотя и до определенного предела постольку, поскольку звезды не могут лишить его свободы воли, или не властны над его умом. Ибо, как он пишет в книгах “О жизни”, они воздействуют лишь на дух человека посредством мирового духа (*spiritus mundi*), некоего среднего звена между душой мира и его телом: “...во вселенной то, что мы зовем духом, является некой приманкой, или стимулом (*esca sive fomes*), для совокупления тел с душой”³². Строго говоря, мировой дух, обеспечивающий связь небесных объектов с тем, что находится под Луной, и, соответственно, - живое единство мира, заимствован Фичино, по-видимому, у стоиков, хотя в своей космологии он стремился предстать продолжателем Платона и Плотина³³. Природа этого духа двояка: “Он есть тончайшее тело, как бы и не тело, а уже душа. И равно как бы не душа, но почти тело. В нем немного природы земли, больше – воды, еще больше –

³¹ В этой связи см.: *Гарэн Э.* Магия и астрология в культуре Возрождения (1 изд. статьи – 1952 г.) // *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 340-344; *Bullard M.M.* Op. cit. P. 692-693.

³² *Ficinus M.* De vita. III. 26 // Op. om. P. 570. См. также название гл. 3 в III книге “О стяжании жизни с небес”: “Quod inter animam mundi et corpus eius manifestum, sit spiritus eius, in cuius virtute sunt quatuor elementa. Et quod nos per spiritum nostrum hunc possimus haurire” (Ibid. P. 534).

³³ См. в этой связи наблюдения: *Walker D.P.* Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella. London, 1958. P. 12; *Kaske C.V., Clark J.R.* Introduction. P. 27.

воздуха, намного больше – огненной и звездной... Он животворит всюду и все, будучи непосредственной причиной всякого порождения и движения”³⁴. Сочетая в себе свойства четырех стихий, он в состоянии служить посредником между небесами и нижним миром, пронизывать его и воздействовать на его тела. Этим духом, коий можно “именовать небом и квинтэссенцией” (то есть пятой сущностью), мир порождает все вещи, включая звезды и четыре стихии³⁵. Сродни ему дух человека – называемый Фичино в “Платоновском богословии”, “неким тончайшим и прозрачайшим тельцем”³⁶, - коим можно уловить, “если он станет, насколько в его силах, небесным, или уподобится ему”, дух, или дыхание, мира³⁷. Значит, подобно тому как мир звездный и небесный воздействуют на человека и всю подлунную природу, так и человек, сообразуя свой дух с мировым, способен оказать обратное влияние.

Помимо этой, так сказать “духовной” связи всех частей вселенной есть еще одна, которую условно можно назвать “формальной”. В той же книге “О жизни” Фичино говорит о “мировой душе”, творящей с помощью логосов образы в надзвездных сферах и наделяющей их определенными свойствами, о том, что в звездах – в их образах, полуобразах и свойствах – содержатся все виды, или формы, ниже расположенных сущностей и их свойства, и что от тех весьма упорядоченных форм зависят формы более низких объектов, ибо они устроятся свыше; словом, порождая особенные формы и силы более низких сущностей, душа воспроизводит их благодаря присущим ей

³⁴ *Ficinus M. De vita. III. 3. P. 535.*

³⁵ *Ibid.*

³⁶ “*tenuissimum quoddam lucidissimumque corpusculum*” (*Idem. Theologia platonica. VII. 6 // Op. cit. P. 177*).

³⁷ *Idem. De vita. III. 4. P. 535.*

логосам при помощи звезд и небесных форм³⁸. Постольку поскольку объекты подлунного мира созидаются при участии звезд и неба, которые запечатлены в них, то из этого с неизбежностью следует, что их “формальное” бытие обусловлено свыше и не может не быть подвержено влияниям, идущим оттуда. Более того, “семенными логосами вещей” оно связано с “идеями божественного ума” и таким образом каждая “материальная форма” через семенные логосы, присущие душе, находит соответствие в определенной идее, в связи с чем посредством этих логосов она может стяжать какие-то блага свыше, будучи сотворена свыше с помощью логосов: ибо если некоему виду вещей или отдельной форме, рассуждает Фичино, придать надлежащим образом то многое, что распределено между различными вещами, но что сообразно идее, то можно в материю, как следует приуготовленную, привлечь от идеи посредством семенных логосов души “необыкновенные дары”³⁹.

³⁸ “Наес [мировая душа – Авт.]... rationibus suis aedificavit ultra stellas in coelo figuras... impressitque his omnibus proprietates. In stellis autem, figuris, partibus, proprietatibus, omnes rerum inferiorum species continentur et proprietates earum... A quibus formis ordinatissimis dependent inferiorum formae, illinc videlicet ordinatae... Quando igitur anima gignit speciales inferiorum formas viresque, eas per rationes efficit proprias, sub stellarum formarumque coelestium adminiculo” (Ibid. III. 1. P. 531-532).

³⁹ “... anima mundi totidem saltem rationes rerum seminales divinitus habet, quot ideae sunt in mente divina quibus ipsa rationibus totidem fabricat species in materia. Unde unaquaeque species per propriam rationem seminalem propriae respondet ideae, facileque potest per hanc saepe aliquid illinc accipere, quandoquidem per hanc illinc est effecta... ac si certe cuidam rerum speciei vel individuo eius rite adhibeas multa quae sparsa sunt, sed etiam ideae conformia, mox in materiam hanc ita opportune

Концепция “семенных логосов” (*rationes seminales*) как связующего звена между формами, запечатленными в материи, и идеями ума, или посредников между миром земным, небесным и занебесным, обнаруживает близость не только к онтологии Плотина⁴⁰, но и к натурфилософскому учению Фомы Аквинского, который считал, что небесные объекты внедряют в материю субстанциальные, особенные формы, являющиеся источниками неких “тайных”, не связанных со стихиями сил в вещах⁴¹. Убежденный в существовании непрерывной связи материальных форм с божественными идеями через семенные логосы, Фичино считал, что благодаря определенным манипуляциям с этими формами человек способен получить в свое распоряжение

paratam singulare munus ab idea trahes, per rationem videlicet animae seminalem” (Idem. De vita. III. 1. P. 531). Ср. В другом месте трактата сходную мысль об обретении “даров свыше” посредством надлежащего соединения семенных логосов с формами, обретающимися в материи: “Fieri vero posse quandoque, ut rationibus ad formas sic adhibitis, sublimiora quoque dona descendant, quatenus rationes in anima mundi coniunctae sunt intellectualibus eiusdem animae formis, atque per illas divinae mentis ideis” (Ibid. III. P. 572).

⁴⁰ *Plotin. Enneades. IV. III. 10-11. P. 76-78. См. также: Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol. I. P. LXXXIV; Garin E. L’età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo. Napoli, 1969. P. 425-429; Idem. Lo zodiaco della vita. P. 82; Copenhaver B.P. Renaissance magic and Neoplatonic philosophy: “Ennead” 4. 3-5 in Ficino’s “De vita coelitus comparanda” // MFRP (P. 351-369). P. 352-356.*

⁴¹ Подробнее см.: *Copenhaver B.P. Scholastic philosophy and Renaissance magic in the “De vita” of Marsilio Ficino // RQ. 1984. Vol. XXXVII. N 4 (P. 523-554). P. 531-546; Copenhaver B.P. Renaissance magic and Neoplatonic philosophy. P. 352-355.*

энергии и силы высших миров. Речь идет об “астральной магии” как частной форме натуральной магии, или науке, которая, по справедливому наблюдению Фр. Йейтс, хотя и основывается на исследовании звезд и небес и их влияний на земной мир и человека, тем не менее учит, как человеку направить к своей пользе эти влияния и таким образом уклониться от астрологического детерминизма⁴².

В сущности этой теме посвящена третья книга “О жизни”, имеющая весьма говорящее название - “О стяжании жизни с небес” (*De vita coelitus comparanda*). В ней, рассуждая среди прочего о том, “как посредством объектов, ниже расположенных и подвластных выше расположенным, низводятся выше расположенные”⁴³, Фичино выясняет способы извлечения и обретения сокрытых в природе сил: “Что касается природных воздействий, тех, которые идут свыше, тебе следует знать, что, в конечном счете, в нас и в наши материальные объекты их можно привлечь с помощью искусства постольку, поскольку природа предоставила нам и нашим материальным объектам приманку для них... Разве природа, искусная производительница потомства, когда некоторым образом творит тельце (*corpusculum*) и придает ему вид, сразу же этим самым его внешним обликом, словно некой приманкой, не низводит [в него] дух вселенной [*spiritum ab universo*]? И этим способом оно не вбирает в себя и жизнь и душу? И, в итоге, благодаря определенному виду и устройению души тело, таким способом оживленное, оказывается

⁴² *Йейтс Фр.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.). С. 59.

⁴³ “*Quommodo per inferiora superioribus exposita deducantur superiora*” (*Ficinus M. De vita. III. 26. P. 570*).

достойным присутствия ума, дарованного свыше. Словом, повсюду природа является магом...»⁴⁴.

В этой же роли мага выступает и человек, который умеет должным образом обращаться с материальными формами, чтобы привлечь в них небесные блага: подобно пахарю, возделывающему поле, готовя его к засеву семенами и получению небесных даров, прививающему деревья, чтобы продлить их жизнь и улучшить вид, а равно врачу, естествоиспытателю и хирургу, подобным образом поступающим с нашим телом, дабы сберечь нашу природу и полнее стяжать природу вселенной, точно так же, - пишет Фичино, - поступает «философ, сведущий в том, что касается природы и звезд, коего мы имеем обыкновение называть магом, благодаря некоторым приманкам и в подходящий момент сводя небесное в земное не иначе, нежели прилежный земледелец прививает к старому стволу молодой росток. И это весьма одобряет Птолемей, утверждая, что сей мудрец может так же использовать действия звезд, как земледелец добрые качества почвы. Маг делает покорным земное небесному, более того низшие области – высшим...»⁴⁵. Итак, во власти этого мудреца-мага, или

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ “Quod sane animadvertentes agricultura, praeparat agrum seminaque ad coelestia dona, et insitionibus quibusdam vitam plantae prorogat, et ad speciem alteram melioremque perducit. Similia quaedam efficit et Medicus, Physicus, et Chirurgus in corpore nostro, tum ad nostram fovendam, tum ad universi naturam uberius comparandam. Idem quoque Philosophus, naturalium rerum astrorumque peritus, quem proprie Magum appellare solemus, certis quibusdam illecebris coelestia terrenis, opportune quidem, nec aliter inferens, quam insitionis studiosus agricola veteri recentem stipiti surculum. Quod et Ptolemaeus valde probat, affirmans eiusmodi sapientem sic astrorum opus adiuvare posse, quemadmodum agricola terrae virtutem.

философа, эксплуатировать материальные объекты, оформлены ли они природой или искусством, и, узнав, какие идущие с неба воздействия они в состоянии принять, эти объекты подобрать, приуготовить и настроить так, чтобы через них приобрести для себя небесные дары (*sibique per eas [materias] coelestia vendicat*)⁴⁶ и даже – последствием этих последних –заполучить занебесные силы⁴⁷.

Речь идет, в частности, об *образах* нижнего мира, способных уловить влияния сходных с ними образов, или *фигур*, которые расположены на небесах, поскольку и те, и другие принадлежат к иерархии форм, простирающейся от Ума через Душу и семенные логосы до материи. В главе 16-й третьей книги трактата, озаглавленной “О власти неба и силах лучей, от коих, как считается, образы получают силу”⁴⁸, Фичино говорит о том, что материальный образ обретает свою силу из трех источников, из стихийной силы его материального тела, которая становится значительнее, если находит соответствие с другой силой, приданной формой той же материи, а сверх того – с еще одной, которую с помощью фигуры можно стяжать с небес⁴⁹.

Subijcit Magus terrena coelestibus, imo inferiora passim superioribus...” (Ibid.).

⁴⁶ Ibid. P. 571.

⁴⁷ “Per haec insuper confirmant nonnulli etiam illud magicum, pro inferiora videlicet superioribus consentanea posse ad homines temporibus oportunitatis coelestia quodammodo trahi, atque etiam per coelestia super coelestia nobis conciliari, vel forsitan prorsus insinuari...” (Ibid. XV. P. 552).

⁴⁸ “De potestate coeli, de viribus radiorum unde vim sortiri putentur imagines” (*Ficinus M. De vita. III. 16. P. 553*).

⁴⁹ “Praeterea imaginem efficaciorum fore si virtus in materia eius elementaris conveniat cum speciali eiusdem virtute naturaliter insita atque

Для этого астральные фигуры запечатлеваются в образах, к которым прибегают, имея в виду достижение определенных целей. В главе 18-й той же третьей книги Фичино говорит о различиях в небесных фигурах, одни из них – знаки Зодиака – имеют красивые и хорошо известные глазу формы, многократно изображенные, как, например, Овн, Телец и т. д., другие же – не столь зримы, сколь вообразимы, они были постигнуты и открыты индийцами, египтянами и халдеями. Некоторые характерные черты этих небесных знаков и планет были зарисованы египтянами, они хотели, чтобы все подобного рода объекты были зафиксированы в образах. Среди небесных фигур есть прекрасная Дева, сидящая, держащая в руках два колоска и кормящая младенца – таким предстает знак Девы в первом из своих обликов⁵⁰. Чтобы показать, как можно получить некие блага от небесных тел, Фичино берет для примера планету Меркурий: для этого она должна находиться в знаке Девы, или, по крайней мере, там должна быть Луна, взирающая на Меркурия, и вот тогда нужно сделать из олова или из серебра образ со знаком Девы и с ее символами, а также с символами Меркурия⁵¹. И в силу сходства форм земного тварного образа и небесных объектов, этот образ воспримет идущие от них влияния. Еще один пример: древние, желая иметь жизнь долгую, в час Сатурна, когда он восходил, производили в камне “Feuzizech”, сиречь сапфире, образ Сатурна в виде старого человека,

haec insuper cum virtute altera speciali per figuram coelitus capienda” (Ibid. P. 554). См. в этой связи: *Copenhaver B.P.* Renaissance magic and Neoplatonic philosophy. P. 365-366; *Kaske C.V., Clark J.R.* Op. cit. P. 37.

⁵⁰ “... in prima facie Virginis virgo pulchra sedens, geminas manu spicas habens puerumque nutriens...” (*Ficinus M.* De vita. III. 18. P. 556). См. то же: *Ficinus M.* De stella magorum // Op. om. (P. 489-491). P. 491.

⁵¹ *Ficinus M.* De vita. III. 18. P. 556.

сидящего на высоком кресле или на Драконе, с головой, покрытой лоскутом темной материи, держащего в поднятых над головой руках серп или рыбу и облаченного в черную одежду; можно было и другим способом попробовать стяжать долгую и счастливую жизнь с небес, изготовив образ Юпитера на светлом или белом камне в виде человека с короной верхом на орле или на Драконе, его возносящего к славе, одетого в платье шафранного цвета⁵². Примеры эти Фичино продолжает и очевидно, что во всех них он, широко заимствуя материал из весьма популярного в его время трактата о симпатической и астральной магии “Пикатрикс”⁵³, рассказывает об изготовлении магических талисманов, коими человек обращает себе во благо нужные ему планетные энергии.

В числе образов, аккумулирующих в себе небесные силы, Фичино называет крест, подчеркивая его особое положение и преимущества по сравнению со всеми другими возможными формами небесных объектов и их конъюнкций. Ибо силы небес достигают своей наибольшей полноты, когда лучи светил, расположенных по четырем сторонам света, пересекаются под прямыми углами и тем самым образуют форму креста. “Поэтому-то древние и говорили, - продолжает Фичино, - что фигура креста сотворена силой звезд, либо

⁵² Ibid. P. 556-557.

⁵³ Трактат “Пикатрикс” создан на арабском языке в XII в. под сильным гностико-герметическим влиянием; в XIII в. повелением Альфонса Мудрого переведен с арабского на испанский и латинский языки; был хорошо известен Фичино, а также итальянским и европейским мыслителям, интересовавшимся астрологией, магией и герметическим учением. См.: *Йейтс Фр.* Указ. соч. С. 49-69; *Гарэн Э.* Магия и астрология в культуре Возрождения. С. 339; [*Он же*]. *Garin E.* L’età nuova. P. 389-419.

приемлет их силу и потому обладает высшей властью в образах и воспринимает силы и духи Планет”. Далее Фичино ссылается на известность креста уже древним египтянам: изображая его на груди Сераписа, они символизировали им будущую жизнь; впрочем, замечает по этому поводу гуманист, признание египтянами еще до пришествия Христова важности креста свидетельствует не столько о его звездных дарах, сколько предвещает достоинство, которое он примет от Христа⁵⁴.

Одной из главных целей этой талисманной магии, направленной на низведение определенных астральных токов и излучений в материальные тела, является восстановление или укрепление здоровья людей. Сын врача и сам врач, Фичино, как и большинство людей его класса и культуры, считал человеческий организм в целом и отдельные его части связанным с теми или иными зодиакальными

⁵⁴ “Tunc enim stellae magnopere sunt potentes, quando quatuor coeli tenent angulos imo cardines, orientis videlicet occidentisque, et medii utrinque. Sic vero dispositae, radios ita conjiciunt in se invicem, ut crucem inde constituent. Crucem ergo veteres figuram esse dicebant, tum stellarum fortitudine factam, tum earundem fortitudinis susceptaculum, ideoque habere summam in imaginibus potestatem, ac vires et spiritus suscipere Planetarum. Haec autem opinio ab Aegyptiis vel inducta est, vel maxime confirmata. Inter quorum characteres crux una erat insignis vitam eorum more futuram significans, eamque figuram pectori Serapidis insculpebant. Ego vero quod de crucis excellentia fuit apud Aegyptios ante Christum, non tam muneris stellarum testimonium fuisse arbitror, quam virtutis praesagium, quam a Christo esset acceptura...” (*Ficinus M. De vita. III. 18. P. 556*). См. также: *Йеймс Фр. Указ. соч. С. 69, 432; Гарэн Э. Указ. соч. С. 342-343, 348-349; Chastel A. Il “signum cruces” del Ficino // MFRP (P. 211-219). P. 216-217.*

знаками, а телесные темпераменты – с различными планетами. Элементом астральной терапии могут быть длительные прогулки на свежем воздухе, в спокойную и ясную погоду по возвышенной местности, ибо во время них “лучи Солнца и звезд беспрепятственно и легко отовсюду достигнут тебя и наполнят дух твой мировым духом”⁵⁵. Этот мировой дух можно также получить из вещей, кои им изобилуют, вроде отборных вин, белого сахара, золота, драгоценный камней, благовоний, из того, что источает наинежнейшие ароматы, что сверкает и т. п. Равным образом и энергии различных планет улавливаются теми объектами и состояниями, над которыми властвует каждая из них. Впрочем, пользоваться различными природными предметами и предпринимать какие-то действия нужно со знанием дела и осторожно, чтобы по недоразумению не навлечь злокачественных влияний, прежде всего Марса и Сатурна, и обращаться к таким растениям, травам, живым существам, минералам и металлам, запахам, цветам, природным и искусственным формам, приготовленным снадобьям и блюдам, формам душевных состояний и словам, которые обеспечивают приток благотворных, жизненных энергий, даруемых, в первую очередь, Солнцем, Юпитером, Венерой, а также Меркурием. Так, чтобы привлечь влияния, исходящие от Юпитера, нужно в период, когда эта планета царит, использовать то, что соответствует ее природе, - серебро, гиацинт, топаз, коралл, хрусталь, берилл, сапфир, вино, белый сахар, мед, свежее-зеленые и

⁵⁵“Inter haec diutissime diuturno tempore sub divo versaberis, quatenus tuto vel commode fieri potest, in regionibus altis et serenis atque temperatis. Sic enim Solis stellarumque radii expeditius puriusque undique te contingunt, spiritumque tuum complent mundi spiritu per radios uberius emicante” (*Ficinus M. De vita. III. 11. P. 544*). См. в этой связи: *Klibansy R., Panofsky E., Saxl Fr. Saturn and Melancholy. P. 268-269.*

воздушные цвета, чувства постоянные, уравновешенные, благочестивые и законные. “Сила же Венеры улавливается горлицей, голубком, трясогузкой и иным, о чем стыд возбраняет говорить”⁵⁶. Кроме подобных, данных природой средств низведения в подлунный мир планетных энергий могут быть применены и рукотворные, созданные искусством приспособления для этого. Например, с помощью составных вещей, как-то порошков, жидкостей, мазей, вытяжек (*electuaria*), которые изготавливают опытные в астрологии врачи, гораздо легче и быстрее обретают небесные влияния, нежели обычными веществами, из которых делают образы; более того, эти лекарственные препараты имеют много составляющих, ибо поскольку сотни свойств Солнца или Юпитера рассредоточены в сотнях растений, животных и тому подобных вещах, постольку эти сотни известных свойств можно свести вместе и сделать из них некое изображение, в коем содержатся почти целиком Солнце и Юпитер⁵⁷. Таким образом искусство приходит на помощь “низшей”, то есть земной, природе, которая не в силах в одном предмете заключить все силы “высшей природы”⁵⁸.

В главе 19-й третьей книги трактата Фичино берется создать образ вселенной, чтобы через него заполучить блага мира⁵⁹. Работу следует

⁵⁶ *Ficinus M. De vita. III. 1. P. 532-533.* См. также: *Walker D.P. Spiritual and demonic magic... P. 13-14.*

⁵⁷ *Ibid. III. 13. P. 549.*

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ “Sed cur nam universalem ipsam, id est, universi ipsius imaginem permittimus? Ex qua tamen beneficium ab universo sperare videntur. Sculpet ergo sectator illorum forte, qui poterit formam quandam mundi totius archetypam si placebit in aere, quam deinde opportune in argenti lamina imprimat aurata” (*Ficinus M. De vita. III. 19. P. 559*).

начать, наставляет он, когда Солнце вступает в первый градус Овна, ибо это случается в день рождения мира; завершить же ее надо в пятницу, то есть в Венерин день, что должно знаменовать совершенную красоту произведения. Делать его нужно из меди в сочетании с золотом и серебром (металлами Юпитера, Солнца и Венеры), используя “вместе три универсальных и собственных цвета мира – зеленый, золотой и цвет сапфира, или голубой, посвященные трем Грациям небес”, ибо зеленый – это цвет Венеры, золотой – свойственен Солнцу, но не чужд Юпитеру и Венере, что же касается цвета сапфира, или голубого, то он принадлежит по преимуществу Юпитеру, которому, как говорят, посвящен этот камень⁶⁰. “В связи с чем полагают, что для получения даров небесных Граций, нужно как можно чаще видеть эти три цвета и, изготавливая модель мира, использовать цвет сапфира для мировой сферы; также полагают, что в звездные сферы по сходству с небом надо добавить золото и облачить в зеленые наряды Весту и Цереру, сиречь землю”. И этот образ, или модель, мира почитатель Граций должен носить с собой или часто его созерцать помещенным напротив⁶¹.

В сущности, похоже, что в этом случае речь идет о некоем художественном изделии, наделенном свойствами талисмана и

⁶⁰ “Sunt vero tres universales simul et singulares mundi colores, viridis, aureus, sapphyrinus, tribus coeli gratiis dedicati” (Ibid. P. 559).

⁶¹ “Expedire igitur iudicabunt ad gratiarum coelestium munera capessanda, treis potissimum hos colores frequentissime contueri, atque in formula mundi quam fabricas, sapphyrinum colorem mundi sphaeris inserere. Operaeprecium fore putabunt aurea sphaeris ad ipsam coeli similitudinem addere, sidera, atque ipsam Vestam, sive Cererem, id est, terram, viridem induere vestem. Eiusmodi formulam sectator illorum, vel gestabit, vel oppositam intuebitur” (Ibid.).

предназначенном для магических целей. Далее у Фичино дано, без сомнения, описание фрески с теми же образами и красками, имеющей то же назначение и находящейся как можно больше на виду у ее обладателя. “Затем он [почитатель Граций – Авт.] устроит комнату, где он часто проводит дни и ночи, в наиболее удаленных покоях своего дома со сводчатым потолком, расписанном и украшенном соответствующими фигурами и цветами. И, когда он будет выходить из дома, его внимание сосредоточится не на отдельных предметах, но на образе и цветах вселенной”⁶².

Рассуждая о способах привлечения, или усвоения, влияний Солнца, Венеры и Юпитера, источников молодости, здоровья и бодрости, Фичино, как справедливо замечает Йейтс, такого рода звездозаконием имел в виду поправить прежде всего здоровье ученых, которые из-за чрезмерного усердия в их занятиях впадают в меланхолию и тем самым оказываются под влиянием Сатурна, планеты, ведающей созерцательной деятельностью и враждебной проявлениям жизненной энергии⁶³. По собственному признанию гуманиста, он также страдал от меланхолии, будучи рожден под Сатурном, дурное влияние которого было усугублено другими неблагоприятными конstellациями: “...ты иногда застаешь меня в некоем состоянии, - обращался в 1476 г. Фичино к своему близкому другу Джованни Кавальканти, - поносимом мной как меланхолия, вещь, на мой взгляд, претягостная..., которую, мне кажется, с самого начала запечатлел вне мне Сатурн, находившийся почти в середине моего асцендента Водолея и испытывавший влияние Марса, равно находившегося в

⁶² Ibid.

⁶³ *Ficinus M. De vita. I. 4. P. 496. См. также: Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 195; Йейтс Фр. Указ. соч. С. 60-61, 70-71.*

Водолее, и Луны в Козероге, а также расположенный в квадратном аспекте к Солнцу и Меркурию, занимавшим девятый дом с Скорпионе. Но Венера в Весах и Юпитер в Раке, пожалуй, оказывали некоторое противодействие этой меланхолической природе⁶⁴. Если верить приведенному гороскопу, Фичино была уготована нелегкая, даже трагическая судьба, ибо злоторное действие Сатурна дополнялось таким же влиянием Марса и – что еще более осложняло положение – квадратным аспектом четырех светил Солнца, Меркурия, Сатурна и Марса, имевшим недобрую репутацию “четыреугольника смерти”⁶⁵. Жалуясь в двух других письмах к Кавальканти на свою “сатурнийскую природу”, Фичино исходил из принятой в традиционной астрологии оценки Сатурна как несчастливой звезды⁶⁶. Впрочем, его влияние, а

⁶⁴ “...quod interdum in me reprehendis, complexionem quandam accuso melancholiam, rem, ut mihi quidem videtur, amarissimam... quam mihi ab initio videtur impresisse Saturnus in medio ferme Aquario ascendente meo constitutus, et in Aquario eodem recipiens Martem, et Lunam in Capricorno, atque aspiciens ex quadratura Solem Mercuriumque in Scorpio, novam coeli plagam occupantes. Huic forte nonnihil ad naturam melancholiam restiterunt Venus in Libra, Iupiterque in Cancro” (*Ficinus M. Omnes omnium laudes referuntur in Deum, principium omnium atque finem // Ep. lib. III. P. 733. 1*).

⁶⁵ См. об этом: *Saitta G. Marsilio Ficino e la filosofia dell’umanesimo. Bologna, 1954. P. 9; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 20-21; Bullard M.M. The inward Zodiac. P. 694.*

⁶⁶ См.: *Ficinus M. Deus omnia bonis convertit in bonum // Ep. lib. III. P. 731-732. См. также: Klibansy R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 256; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 20-21, 34; Кассирер Э. Индивид и космос в культуре Возрождения // Он же. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С. 110, 121.*

равно и Марса, еще одного светила, признаваемого опасным для человека⁶⁷, умерялось, как сказано, Юпитером и Венерой. «Если вы опасаетесь Марса, противопоставьте ему Венеру, - поучал Фичино в трактате “О жизни”, - если вы опасаетесь Сатурна, противопоставьте ему Юпитера»⁶⁸. Сходным образом в другом сочинении Фичино «Комментарии на “Пир” Платона, о Любви», о Юпитере сказано, что он “весьма часто своим соединением или противостоянием, или восприятием при шестеричном или трояком восхождении обуздывает злое влияние планеты Сатурна”⁶⁹, а о Венере, - “что она смягчает и подавляет Марса”⁷⁰.

⁶⁷ См. послание к кардиналу Иоанну Арагонскому: “Duo potissimum inter planetas hominibus assidue pericula machinantur, Mars videlicet et Saturnus” (*Ficinus M. Saturni Martisque natura // Ep. Lib. VI. P. 819. 2*). В другом своем сочинении “О Солнце” Фичино особенно акцентирует несчастливую природу Сатурна: “Saturnus atque Mars infortunati..., sed Saturnus magis infelix, quoniam maxime dissentire videtur a Sole, imo etiam magis quam Mars a Luna” (*Idem. De Sole. VIII // Op. om. (P. 965-975). P. 970*). См. также: *Thorndike L. Op. cit. P. 567*.

⁶⁸ *Ficinus M. De vita. III. 6. P. 539-540*.

⁶⁹ *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 12 // Op. om. P. 1341 (Ed. P. Laurens. Paris, 2002. P. 123; см. русский перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка: Фичино М. Комментарий на “Пир” Платона, о любви // Эстетика Ренессанса. Т. I. М., 1981. С. 187)*. См. в другом месте об умеряющем действии Юпитера на Сатурн: *Idem. De vita. III. 12 и 22. P. 547, 565*.

⁷⁰ *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 8. P. 1339 (Ed. P. Laurens. P. 113; см. русский перевод: С. 184)*. См. также: *Idem. Venus Martem Iupiter Saturnum domat // Ep. lib. III. P. 726. 3* (послание Ринальду Орсини, архиепископу Флорентийскому)

В послании к Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи, троюродному брату Лоренцо Великолепного, датированном зимой 1477-1478 гг., Фичино убеждает своего юного еще корреспондента так настроить себя, чтобы избегать влияний дурных планет - “чрезмерной поспешности Марса и медлительности Сатурна” - и обратиться душой и телом к тем, которые несут благие дары, то есть постоянно лицезреть Солнце, или самого Бога, дающего животворные лучи, Юпитера, источника законов божественных и человеческих, Меркурия, ведающего добрым советом, разумом, знаниями, наконец, Венеру, или человеколюбие⁷¹. В этой связи следует вспомнить, что три из указанных четырех дружественных человеку планет – обычно Венеру, Юпитера и Солнце – Фичино именовал “тремя Грациями Небес” (в буквальном переводе - “тремя благодатями небес”), драгоценные дары коих, ожидаемые и старательно отслеживаемые астрологами, сообщаются нижнему миру через Меркурия и Луну⁷². Случалось, правда, Фичино указывал несколько другой перечень планет в качестве “Граций Небес”: “Прежде всего да будет тебе известно, - писал гуманист тому же Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи в 1481 г., - что три Грации, коих наши поэты изображают в виде трех девушек, обнимающих друг друга, являются среди небесных созданий тремя

⁷¹ *Ficinus M. Prospera in fato fortuna, vera in virtute felicitas // Ep. lib. V. P. 805. 2. См. в этой связи: Gombrich E.H. Botticelli's mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // JWCI. 1945. Vol. 8 (P. 7-60). P. 15-17; Йейтс Фр. Указ. соч. С. 72-73.*

⁷² *Ficinus M. De vita. III. 5. P. 536. См. в другом месте о духе, вожделеющем “чудесных даров” Граций, которому для овладения ими надлежит быть к соответствующим планетам расположенным так же, как то, что им соответствует по природе: Ibid. III. 11. P. 546.*

планетами – Юпитеровым Меркурием (то есть Меркурием, получающим благодать и милости от Юпитера), Солнцем и Венерой, - гармоничных и весьма расположенных друг к другу участников небесного танца. Равным образом эти три имени Граций – Юность, Свет и Радость (*Viriditas, Lux, Laetitia*) – наилучшим образом подходят указанным звездам, которые из небесных тел в наибольшей мере оказывают свое покровительство человеческим дарованиям... И если ты когда-нибудь услышишь, что первая Грация является Юпитером, то имей в виду, что это не столько Юпитер, сколько Юпитеров Меркурий, то есть Меркурий, находящийся в благоприятном аспекте к Юпитеру или получающий от него некие милости. Ибо именно Меркурий с присущей ему жизненной энергией и быстротой побуждает нас всегда искать суть вещей; Солнце же своим светом делает всякое открытие зримым для вас, его ищущих; наконец, Венера своей наиприятнейшей красотой делает изящным и привлекательным, что бы ни было открыто⁷³. Еще позже, в послании к Роберто Сальвиати и Джироламо Бенивьени о Джованни Пико тремя Грациями названы уже Солнце, Меркурий и Венера. Идентифицируемые соответственно с мудростью, красноречием, добропорядочностью⁷⁴. Однако как бы ни менялся состав небесных Граций⁷⁵, они в астрологии Фичино символизировали благодатные небесные свойства, кои способны нейтрализовать пагубные воздействия неблагоприятных светил.

В этих же целях Фичино рекомендует использовать приятные запахи и ароматы, связанные с благотворными планетами, а равно –

⁷³ *Ficinus M. De tribus Gratiis et Genio // Ep. lib. VII. P. 846. 1. См. также: Gombrich E.H. Op. cit. P. 34-35.*

⁷⁴ *Ficinus M. De tribus gratiis et concordia // Ep. lib. VIII. P. 890. 3.*

⁷⁵ См. в этой связи наблюдения: *Gombrich E.H. Op. cit. P. 35-37.*

музыкальные звуки и песни, которые, если нежны, чарующи, прекрасны, то связывают их исполнителя с Грациями (Юпитером, Венерой, Солнцем) и Меркурием, если же унылы и пугающи, - с Марсом и Сатурном⁷⁶. Подобно цветам, запахи и звуки, как следует подобранные, также обладают магическими способностями освобождать душу от тяготящих влияний, подставив ее идущим свыше благотворным энергиям. Причем среди всех них пение располагает самым сильным действием, “ибо оно подражает желаниям и страстям души, а также словам, оно представляет равным образом действия и движения тела, поступки и нравы людей; и подражает этому с такой силой, что неожиданно побуждает и провоцирует слушателей подражать и делать то же самое. И в одинаковой мере оно, подражая вещам небесным, с одной стороны, сообщает чудесным образом нашему духу небесные влияния, с другой, - подчиняет духу эти влияния”⁷⁷. Музыкальное мелодическое пение адресовалось четырем благим светилам, трем другим – Сатурну, Марсу и Луне – произведения исполнялись только голосом, сообразные характеру небесного тела; Сатурну, например, полагались звуки медлительные, тяжелые, глухие, жалобные⁷⁸. По весьма справедливой догадке Фр. Йейтс, орфические песнопения Фичино, о которых источники сообщают нам не раз⁷⁹, должны были, как он считал, воспроизводить музыкальные лады планетных сфер и акустическими средствами служить целям астральной магии, низводя с помощью гимнов Солнцу,

⁷⁶ *Ficinus M. De vita. III. 11. P. 546.*

⁷⁷ *Ficinus M. De vita. III. 21. P. 563.*

⁷⁸ *Ibid.* См. в этой связи: *Walker D.P. Spiritual and demonic magic... P. 15-18.*

⁷⁹ См. Гл. II. С. **000**.

Юпитеру, Венере их благотворные влияния⁸⁰ и рассеивая подавляющие жизненную энергию человека пагубные излучения.

Однако при всем его нездоровом воздействии на физическое состояние людей, на их нрав, склонность к одиночеству, замкнутость, угнетенность, Сатурн, начиная с Фичино, уже не рассматривается в качестве исключительно вредоносного светила, как он изображался в традиционной астрологии. У главы флорентийской Платоновской академии и у гуманистов его круга мы встречаем иные характеристики этой планеты, связанные прежде всего с признанием зависимости от нее высших и наиболее ценных форм человеческой деятельности – духовного созерцания и божественной интуиции. Сетуя в переписке с упомянутым выше Джованни Кавальканти на враждебное к нему самому положение Сатурна⁸¹, гуманист в ответ услышал от своего друга не утешение даже, выговор за недооценку милостей, оказанных ему этой планетой: “Итак, остерегайся сотворить вину по отношению к этой наивысшей звезде, оказавшей тебе великие и неисчислимыя благодеяния. Не вдаваясь в ненужные подробности, спрошу, когда ты был послан для украшения Флорентийского града, благодаря тебе ставшего еще более цветущим, разве он [Сатурн – Авт.] не находился к тебе в том же аспекте, что и к Платону, когда он появился, чтобы прославить Афины? Прошу ответь мне, откуда [у тебя] дивный ум, коим можешь понять, что такое Сатурн?... Скажи мне, откуда это сильное и крепкое тело, коим ты прошел узкими и неторными дорогами всю Грецию и проник вплоть до Египта, принеся нам на собственных своих плечах этих наимудрейших старцев? Несомненно, отважное это дело!... Ведь ты привел тех, до кого раньше никто не добирался, и открыл их странам Запада, которых прежде лишь имена

⁸⁰ *Йейтс Фр.* Указ. соч. С. 74-75.

⁸¹ *Ficinus M.* Deus omnia bonis convertit in bonum // Ep. lib. III. P. 731. 3.

были известны и находились в великом почете и рассеял неизвестность, в которой они пребывали и явил нашим глазам, очистив от всякого тумана... Наконец, благодаря тебе сей век увидел тех, кого никогда не видела Италия. И все это даровано тебе им же [Сатурном – Авт.]. К этому еще хотел бы тебя спросить, откуда такая память, удерживающая столь много вещей, которая до такой степени цепка, что вспоминает в любой момент все когда-либо виденное или слышанное тобой, и не только помнит вещи, но и что, когда и где ими было сделано? Поэтому не жалуйся на Сатурна, по воле коего ты настолько превосходишь прочих людей, насколько он сам превосходит прочие планеты. Итак, верь мне, нужна палинодия, которую, если [все сказанное] правильно рассудишь, пропоешь как можно скорее”⁸².

Сатурн, оказывается, стоит за всеми интеллектуальными подвигами Фичино, ибо содействием этой, прежде почитавшейся враждебной человеку звезды отмеченный ее печатью гуманист неведомым доселе знанием просветил народы Запада и прославил свой век; с этого момента она начинает терять свой зловещий ореол и фактически превращается в небесного сподвижника людей науки, погруженных в божественные тайны миропорядка и, в частности, выступает в

⁸² “Cave igitur posthac transferas culpam tuam ad supremum illud astrum, quod te forte innumeris atque maximis beneficiis accumulatum reddidit... Tu ne ergo Saturnum incusabis, qui te tantum caeteris homines superare voluit, quantum ipse caeteros planetas superat. Itaque opus, mihi crede est palinodia, quam si sapis, quam primum canes” (*Ficinus M. Mala non sunt ab astris proprie, sed ex defectu vel materie, vel consilii // Ep. lib. III. 732.* 2). См. также: *Klibansy R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 257-258; Bullard M.M. Op. cit. P. 694; Biondi A., Pisani G. Introduzione // Ficino M. De vita. A cura di A. Biondi, G. Pisani. Padova, 1991 (P. IX-XXXV). P. XV-XVII.*

качестве планеты-покровителя флорентийской Платоновской академии, то есть философского дела Фичино и его *ученого товарищества*⁸³.

Едва ли цитированное письмо Кавальканти к Фичино чистая мистификация и сочинено целиком главой флорентийских платоников от имени своего близкого друга; но нет сомнений, что по крайней мере главные его положения о благодетельной роли Сатурнова воздействия и меланхолии для духовного просвещения была “подказана” или навеяна Кавальканти общением с гуманистом-наставником или содержанием его трудов. Так, в “Платоновском богословии” (завершено в начале 1474 г.) за меланхолией признавалась способность уводить душу от всего, внешнего ей, и сосредоточивать на себе, тем самым открывая путь пророческому дару⁸⁴. Сходно с этим миссия Сатурна обрисована в 6-й главе первой книги трактата “О жизни”: он – наивысшая из планет – подвигает человека к исследованию самых высоких тайн, на что способны редкие философы, когда их душа, не отягощенная внешними движениями и собственным телом становится божественным орудием (*divinum instrumentum*); исполненная божественными влияниями и вышними пророчествами, она открывает каждый раз что-то новое, неведомое и предрекает будущие события⁸⁵. О том, что Сатурн обращает к самым возвышенным и сокровенным вещам и сам обозначает собой “божественное созерцание”, писал Фичино в послании к Якопо

⁸³ См. об этом: *Klibansy R., Panofsky E., Saxl Fr.* Op. cit. P. 273.

⁸⁴ *Ficinus M.* Theologia platonica de immortalitate animorum. XIII. 2. P. 287, 294. См. также: *Kristeller P.O.* Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 195-196; *Kaske C.V., Clark J.R.* Op. cit. P. 22.

⁸⁵ *Ficinus M.* De vita. I. 6. P. 498.

Антикварио⁸⁶. «В обмен на земную жизнь, от которой он тебя удаляет, - сказано во второй книге трактата “О жизни”, - Сатурн, сам чуждый ей, наделяет тебя жизнью небесной и вечной»⁸⁷. Итак, сфера Сатурна – это чистая мысль, созерцание, отрешенное от всего земного, ему угодна жизнь уединенная, покровительствует он тем, кто предан изучению наибольших тайн философии и религии, и живут они так долго и счастливо, что почитаются не столько смертными людьми, сколько бессмертными богами (*immortales daemones*), коих многие называют героями, золотым родом, жившим беспечально в Сатурновом веке и царстве⁸⁸.

В этом контексте принадлежность к Сатурну становилась печатью избранности, особого положения среди людей, знаком высокой судьбы. О чем толковал Кавальканти в своем письме к Фичино. И уж, конечно, был услышан – не случайно Фичино в разных своих писаниях отмечал, что и Платон, оказывается, был “сатурнской природы”⁸⁹. Лоренцо Медичи, покровитель Фичино, тоже был

⁸⁶ *Idem*. *Expositio allegorica seculi aurei atque aliorum* // Ep. lib. VIII. P. 860. 3.

⁸⁷ “Saturnus autem pro vita terrena, qua separatus ipse te denique separat, coelestem reddit atque sempiternam” (*Idem*. *De vita*. II. 15. P. 522).

⁸⁸ *Ibid*. III. 22. P. 565. По теме золотого рода (поколения) людей у античных писателей см. работы: Кудрявцев О.Ф. Письмо Марсилио Фичино о Золотом веке // СВ. М., 1980. Вып. 43. С. 320-327; Он же. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 129 и далее. См. также: Гл. 000. С. 000.

⁸⁹ См. гороскоп Платона в письме к Франческо Бандини (*Ficinus M. De vita Platonis* // Ep. lib. IV. P. 763. 2), а также послание к Пьер Леоне за август 1491 г.: *Idem*. *De simplicitate et integritate morum* // Ep. lib. XI. P. 928. 3.

причислен к сонму “сатурнийцев” и назван в письме к Пико даже наидостойнейшим из них⁹⁰. Самому Пико, как видно, льстило именованье его “сыном высокого Сатурна”, равно и сравнение с его названным небесным родителем⁹¹.

Вместе с тем увлечение Фичино астрологическими изысканиями далеко не всегда находило понимание и одобрение его младшего друга. Своими “Рассуждениями против прорицающей астрологии”, законченными незадолго до собственной смерти (1494 г.), Пико, заинтересованный в их одобрении Савонаролой и в том, чтобы благодаря им с него были сняты обвинения инквизиции, вынудил главу флорентийских платоников, публично заявить о неприятии астрологической науки. Впрочем, никаких открытых обличений не было, наоборот, в тексте трактата Пико объявил о своем единомыслии с “нашим Марсилием”, который будто бы даже часто подбивал его взяться за этот труд, “открыто выступив против них [астрологов – Авт.], следуя по стопам Плотина, толкуя и излагая которого он внес большой вклад в платоновскую науку, обогатил и прославил ее...”⁹².

⁹⁰ “Laurentius inter Saturnios praestantissimus” (*Idem*. Cur viris magnis discrimina magna immineant // Ep. lib. VIII. P. 888. 2).

⁹¹ “Picum sublimis Saturni filium”, - сказано в письме к Пико (*Ficinus M.* Astronomicum auspiciam pro libro de vita longa // Ep. lib. IX. P. 901. 1). См. также письмо к Франческо Гадди: *Idem*. Pauci negotia publica coniungunt cum studio literarum // Ep. lib. VIII. P. 892. 2). См. также: *Klibansy R., Panofsky E., Saxl Fr.* Op. cit. P. 273-274.

⁹² “Porro noster Marsilius scripsit adversus eos aperte, Plotini vestigia secutus, in quo interpretando et enarrando magnopere rem platoniam iuvat, auxit et illustravit; quod si, valetudini consulens hominum, aliquando corrogat sibi de caelo quedam etiam auxilia, optat ille potius ita fieri posse quam credat. Testari hominis mentem fidelissime possum, quo familiariter

Более того, Д.П. Уолкер убежден, что Пико даже воспроизводит в своем трактате Фичинову теорию астральных влияний⁹³. Это наблюдение дало Фр. Йейтс повод утверждать, будто Пико имел в виду защитить Фичинову “астральную магию” и, в частности, третью книгу его трактата “О жизни” - “О стяжании жизни с небес”⁹⁴. Однако уже Д.П. Уолкер заметил, что Пико далеко не во всем согласен с Фичино, например, он отвергал особенные планетные воздействия на объекты подлунного мира⁹⁵. Еще дальше пошел Э. Гарэн, считая, что в своей работе Пико, выразив внешне вполне почтительное отношение к Фичино, подвергал критике прежде всего именно его астрологические воззрения.

Так, в трактате “О звезде волхвов” Фичино рассматривает разные свидетельства пришествия Спасителя, вместе с пророчествами сивилл, классических авторов привлекая также данные астрологов, а в трактате “О христианской религии” ссылается даже на гороскоп Христа Чекко д’Асколи (*Esculus Astrologus*), против которого Пико

utor, nec habui ad detegendam istam fallaciam qui me saepius et efficacius adhortaretur, nec quotiens una facetiamur uberius nobis occasio segesque ridendi quam de vanitate astrologorum, praesertim si tertius interveniat Politianus...” (*Pico della Mirandola G. Disputationes adversus Astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I. P. 60; SF. Vol. II. P. 274*). См. также: *Thorndike L. Op. cit. P. 571-572; Garfagnini G.C. La questione astrologica tra Savonarola e Giovanni Francesco Pico // Rinascimento. Seconda serie. 2004. Vol. XLIV (P. 17-47). P. 20-22.*

⁹³ *Pico della Mirandola G. Disputationes...* III. 4. См. в этой связи: *Walker D.P. Spiritual and demonic magic... P. 55.*

⁹⁴ *Йейтс Фр. Указ. соч. С. 110-111.*

⁹⁵ *Walker D.P. Spiritual and demonic magic... P. 56.*

резко выступил как против крайнего проявления нечестия⁹⁶. В том же трактате “О звезде волхвов” Фичино упоминает декана Девы, уже описанного в астрологической литературе, и замечает, что если он и не был причиной Христа, то был его знаком⁹⁷; по мнению Пико, “такое подтверждение астрологией, находящей среди небесных образов Деву и Христа, таинства воплощения Слова, излишне для христианской истины, не нуждающейся в подобных баснях и вздоре”⁹⁸. Неприятие у Пико вызывают и утверждения Фомы Аквинского, которого очень охотно цитирует Фичино, о разнообразии небесных влияний на людей и телесный мир – ничтожность подобных воззрений он обещает показать в своем труде⁹⁹. Этим разногласия Фичино с Пико не

⁹⁶ *Ficinus M. De stella magorum. P. 489-491. Idem. De religione Christiana. X // Op. om. P. 14; Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem. V. XIV. P. 612. См. также комментарии Э. Гарэна: Ibid. P. 668-669.*

⁹⁷ “in prima Virginis facie, quae referat puellam virginem et pulcherrimam, sedentem puerumque lactantem” (*Ficinus M. De stella magorum // Op. om. P. 491*). См. также выше сноску N 000 в настоящей главе. О предшественниках этого образа в астрологической традиции см.: *Warburg A. Italienische Kunst und internationale Astrologie im Palazzo Schifanoja zu Ferrara. Anhang // Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. II. S. 638.*

⁹⁸ “Sic confirmari putant miraculum Verbi corporati per scientiam astrologiae, quae inter coeli imagines Virginem Iesumque repperit... Sed non eget his fabulis somniisque veritas christiana” (*Pico della Mirandola G. Op. cit. V. 14. P. 604*).

⁹⁹ “ostendemus nullam tamen idcirco futuram hanc artem” (*Pico della Mirandola G. Op. cit. IV. 1. P. 424*). См. у Фичино *Ficinus M. De vita. III. 18. P. 558.*

исчерпывались; Пико не принимал очень полюбившуюся его товарищу Платонову мысль о звездах как знаменьях того, что происходит на земле, выступал против попыток признать роль небесных светил в определении судьбы или характера человека при его рождении или зачатии; так что стоит согласиться с Э. Гарэном, у двух гуманистов в подходе к астрологии было больше расхождений, чем точек схода¹⁰⁰. И не случайно, когда с завершением труда Пико об астрологии эти расхождения стали очевидны и позиции Фичино подверглись критике, он в послании к их общему другу Анджело Полицциано (август 1494 г.) поспешил отречься от своих прежних увлечений этой наукой, представ в респектабельном виде философа, который, будучи, конечно же, сведущ в ней, не придавал ей никакого серьезного, самостоятельного значения, позволяя себе обращаться к ее данным как врач в целях психологических или как мыслитель – поэтико-аллегорических¹⁰¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ – Средние века.

Ep. lib. – Epistolarum liber (Op. om.).

JWCI – Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.

MFRP – Marsilio Ficino e il ritorno del Platone. Studi e documenti. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1-2.

Op. om. – Opera omnia Marsilii Ficini. Basileae, 1576. Vol. 1-2.

RQ – Renaissance Quarterly.

SF – Supplementum Ficinianum. Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1937. Vol. 1-2.

¹⁰⁰ С связи со сказанным см. подробнее: *Garin E.* Introduzione. P. 12-13.

¹⁰¹ См.: *Ibid.* P. 8-10; Гл. 4. С. 000.

